

Шум голосов внезапно стал каким-то невнятным, приглушенным.

Линь Цинбай, стараясь сдержать дрожь в руках, поставил чайную чашку на стол. Кончики его пальцев онемели от холода, и лишь сжав их в кулак, он смог вернуть себе немного чувствительности.

Сказитель с большой лютней неизвестно куда исчез. Остальные посетители сбились в шумные кучки, продолжая оживленно спорить. Большинство из них проклинали Императора демонов, а некоторые всё еще считали, что простая смерть этого чудовища — слишком легкое наказание: его следовало бы подвергнуть казни через расчленение или превратить в живой обрубок.

— Надо было отрубить этому Императору демонов руки и ноги!

— Разве это наказание? Его нужно было сожрать живьем!

— Да кто станет есть такого монстра? Не боишься заразиться его безумием и самому стать психом? Ха-ха-ха-ха!

Пока люди увлеченно предавались обсуждению, рядом раздался резкий звук — «бах»!

Разговоры мгновенно стихли. Даже Линь Цинбай вздрогнул и обернулся к Си Аню. Тот нечаянно уронил чашку с палочками на пол. Мальчик тихо сидел на стуле, склонив голову и глядя на спорящих, но на его лице, обычно озаренном улыбкой, не дрогнул ни единый мускул.

— Ань-эр.

Услышав зов Линь Цинбая, Си Ань обернулся. Посмотрев на учителя, он проговорил:

— Учитель, простите, я разбил посуду. Пойду позову кого-нибудь убрать.

Линь Цинбай нахмурился:

— Иди.

Получив разрешение, Си Ань поспешно вышел из постоялого двора. Едва он скрылся из виду, Линь Цинбай взмахом руки подозвал стражника.

— Ванъе, — тихо отозвался тот.

— Найди того сказителя, выясни, кто он такой и что за душой имеет, — Линь Цинбай опустил взгляд и произнес это вполголоса.

— Слушаюсь.

После полуденной трапезы Линь Цинбай приказал снять несколько комнат, чтобы немного отдохнуть перед дальнейшим путем. Свободных мест было немного, поэтому Линь Цинбай и Си Ань остановились в одной спальне.

Мальчик, который только что вовсю резвился с деревенскими детьми, уснул, едва коснувшись головой подушки. Линь Цинбай поправил ему одеяло, лег рядом, не раздеваясь, и уставился в потолок, но сон никак не шел.

История, рассказанная тем человеком с лютней, вернула Линь Цинбая в ту тысячу лет, что он провел в Мире Бессмертных. Он вспомнил, как в детстве вступил в секту, будучи совсем еще ребенком, который с трудом мог поднять обычный меч. Вспомнил, как в тысячу семьсот лет призвал свой божественный артефакт — лук Юйчи, от мощи которого содрогнулись небеса и пришла в ужас земля, и как в столь юном возрасте получил титул Бессмертного почтенного Цинъюаня.

Он вспомнил, как в тысячу девятьсот лет скончался его наставник, а старшая сестра ушла в затворничество, оставив его одного управлять Родом бессмертных. Обладая высочайшим мастерством, он внушал трепет каждому в Мире Бессмертных: никто не смел перечить ему, никто не осмеливался приблизиться. Так он постепенно ожесточился, и с тех пор прошел еще не один век.

Линь Цинбай думал, что так пролетят и десять тысяч лет, пока не случилось то происшествие...

Сознание начало ускользать, и, закрыв глаза, Линь Цинбай провалился в сон.

Горы были завалены глубоким снегом, бушевал неистовый ветер, хлопья летели, словно острые лезвия, и всё вокруг утопало в ослепительной белизне. Линь Цинбай взмахнул рукой, и в радиусе ста чжанов метель внезапно замерла, отсеченная серебристым Барьером.

Когда ветер стих, пейзаж стал отчетливым. Линь Цинбай в серебряных доспехах стоял на Горном хребте Пожирания Душ во главе отряда бессмертных воинов. Этот хребет считался самым холодным местом Мира Бессмертных: круглый год здесь мели метели, и в радиусе ста чжанов не было ничего живого.

Теперь же снег был усеян телами демонических существ. Они выглядели причудливо, отличались размерами и видом, но всех их объединяло одно — оторванные головы, изуродованные плоть и кровь. Кровь просачивалась в снег, окрашивая его в багрянец; издалека эти пятна напоминали распускающиеся среди зимы цветы, пугающие своей зловещей красотой.

— Почтенный, смотрите! Он там!

Следуя за жестом подчиненного, Линь Цинбай посмотрел вдаль. Юноша, действительно, без сил прислонился к огромному валуну у обрыва. В его правое плечо вонзилась сломанная стрела, лицо было мертвенно-бледным, а алая кровь капля за каплей стекала с края черного халата, пропитывая снег вокруг.

Линь Цинбай подлетел вперед, остановился в десяти шагах и посмотрел на него сверху вниз.

— Янь Цюсы, — холодно произнес он.

Ветер растрепал непослушные пряди на лбу юноши. Тот дернул плечом, его окровавленные пальцы ощупали снег, нащупали рукоять меча, и, опираясь на оружие, он с трудом поднялся на ноги. Подняв голову, он обвел взглядом бессмертное войско, а затем впился глазами в Линь Цинбая.

Внезапно он оскалился, обнажив белые зубы, и хрипло рассмеялся:

— Линь Цинбай, ты и правда похож на пса, который так вцепился в добычу, что не отпустит ни за что на свете! Ха-ха-ха-ха!

Янь Цюсы так сильно трясло от смеха, что он едва не рухнул обратно в снег. В этот момент из-за спины Линь Цинбая со свистом вылетела игла с синим свечением. Она двигалась с такой скоростью, что глаз не успевал уловить её полет. Послышался глухой звук — игла пробила правую часть груди Янь Цюсы, буквально пригвоздив его к валуну.

— Тьфу! Да кто ты такой! Как смеешь оскорблять моего учителя! Смотри, как я сейчас отрублю голову этому демоническому отродью!

Из толпы вышел человек в лазурных одеждах с синим мечом в руках. Он рванулся вперед, собираясь покончить с Янь Цюсы, но Линь Цинбай взмахнул рукавом, отшвырнув его назад.

— Без моего приказа — ни шагу, — сурово приказал он.

— Но учитель, я...

Линь Цинбай не слушал. Он ступал по снегу, шаг за шагом приближаясь к Янь Цюсы. Тот, как и гласили легенды, был лишен чувства боли: даже с рваными ранами на теле, пробивающими плоть и кости, его лицо оставалось бесстрастным. Янь Цюсы с улыбкой положил руку на иглу и начал медленно вытягивать её из своего тела. С каждым дюймом игла вырывала кусочки его плоти, кровь стекала по рукавам, но он даже не моргнул.

Когда игла была извлечена, Янь Цюсы сполз по камню и тяжело опустился на колени. Вокруг кружились снежинки, смешиваясь с кровавым туманом. Опираясь одной рукой о землю, он тихо кашлял, а его черные волосы, слипшиеся от крови, свисали на плечи.

Когда-то великий Император демонов, теперь он жалко стоял на коленях перед Линь Цинбаем. Тот смотрел на него сверху вниз и невольно вспомнил их первую встречу.

Три месяца назад Линь Цинбай привел войска в земли демонов, чтобы подавить мятеж и уничтожить Янь Цюсы — злодея, не знавшего меры в своих преступлениях. Первая битва произошла на границе, на берегу Реки Пожирающей Солнце. В тот день дул сильный ветер, речные волны с грохотом бились о берег. Линь Цинбай стоял во главе десяти тысячного войска, ожидая встречи с чудовищем, чья жестокость вошла в легенды. Он представлял себе уродливое, свирепое создание.

И вдруг небо прорезал гул ветра. Линь Цинбай поднял голову и увидел юношу в лазурных одеждах с высокой прической. Тот летел на огромной алой Птице Пэн над бушующей рекой, пролетая сквозь полчища темных демонических тварей.

На вид ему было не больше пятнадцати-шестнадцати лет; его черты лица были изящными, а взгляд — чистым и ясным. Поначалу Линь Цинбай подумал, что это какой-то наивный отпрыск богатой семьи из Мира Бессмертных заблудился, и уже хотел приказать прогнать его. Но стоило юноше ступить на землю, как тысячи демонов пали ниц.

А теперь... Лицо Янь Цюсы было залито кровью, скрывшей его изящные черты. Он снова засмеялся:

— Ха-ха-ха-ха, почему...

— Что «почему»? — спросил Линь Цинбай.

Янь Цюсы поднял голову, его черные глаза смотрели на Линь Цинбая с искренним любопытством:

— Линь Цинбай, почему ты так стремишься меня убить?

— Потому что ты погряз в злодеяниях, — бесстрастно ответил Линь Цинбай. — Твои преступления заслуживают смерти.

— Погряз в злодеяниях... преступления заслуживают смерти... — Янь Цюсы приподнял бровь и повторил эти слова, нахмурившись, словно ребенок, пытающийся решить невыполнимую задачу. — Вы говорите, я совершил столько зла, истребили мой народ только потому, что я позволял демонам пожирать людей?

— Всё живое невинно, — ответил Линь Цинбай. — Люди — не скот, они не должны становиться пищей для твоей расы.

Янь Цюсы помолчал, затем снова спросил:

— Так значит, ты пришел убить меня ради своих соплеменников?

— Да.

— И я поступил неправильно?

— Да.

Янь Цюсы отвел взгляд, устремив его в бесконечную снежную даль, и пробормотал:

— Значит, я ошибся... я ошибся...

Линь Цинбай смотрел на юношеское лицо Янь Цюсы и закрыл глаза, глубоко вздохнув. Никто не хотел такого исхода — взаимного уничтожения. Сейчас, загнав Янь Цюсы на Горный хребет Пожирания Душ, ему оставалось нанести лишь один удар, чтобы Духовная Пилюля Императора демонов разлетелась в пыль, а душа растворилась в небытии.

Но Янь Цюсы был еще так молод. Линь Цинбай убивал свирепых зверей, злобных призраков, преступников — кого он только не убивал, но никогда не поднимал руку на столь юное создание. Ему было всего тысяча пятьсот лет. Родись он среди бессмертных, он сейчас тренировался бы под сенью деревьев, выслушивая наставления учителя, шутя с братьями и наслаждаясь заботой родителей. Юность должна быть прекрасной. А не вот так — в одиночестве, на краю гибели, залитой кровью.

Линь Цинбай сжал кулаки в рукавах:

— Ошибка есть ошибка. Но если ты готов покаяться и начать всё сначала, я оставлю тебя в живых.

Янь Цюсы вздрогнул, в его глазах отразилось недоверие:

— Правда?

Линь Цинбай кивнул.

— Даже если я совершил столько зла?

— Ты молод, никогда не поздно исправиться. Если ты откроешь Барьер Обрыва Разбитых Душ, я сохраню тебе жизнь.

Сказав это, Линь Цинбай посмотрел за спину Янь Цюсы. Там зиял обрыв невероятной глубины — Обрыв Разбитых Душ. Десять чжанов в ширину, бездонная пропасть, напоминающая врата в ад, чьи стены покрыты острыми ледяными иглами. Однако на дне обрыва спали демоны.

Демонические существа делились на низшие, средние и высшие ранги. Низшие не обладали сознанием и речью, как скот, жаждущий лишь крови. Средние и высшие были иными — обладали силой, разумом и могли принимать облик человека. Все они впадали в спячку на триста лет. Если они покидали Обрыв Разбитых Душ во время спячки, то погибали в течение пяти дней. Именно поэтому бессмертные начали атаку сейчас. Если бы все демоны были активны, они никогда не загнали бы Янь Цюсы в угол за три месяца.

Обрыв защищал Барьер, который под силу снять только самому Императору демонов. Демоны на дне обладали чудовищной силой. Чтобы пощадить Янь Цюсы, Линь Цинбай должен был отрезать ему путь к отступлению — заставить снять Барьер и уничтожить всю армию демонов в обрыве.

Либо демоны, либо Император. Выбрать можно было что-то одно.

Услышав, что Линь Цинбай действительно готов его пощадить, Янь Цюсы, не раздумывая, достал из-за пазухи изумрудный Жетон:

— Почтенный, это ключ от Барьера. Достаточно бросить его в обрыв, и он исчезнет. Надеюсь, после того как Барьер падет, вы сдержите слово и отпустите меня.

Линь Цинбай взглянул на Жетон в руке юноши, посмотрел в его чистые, мерцающие глаза и протянул руку. Но стоило его пальцам коснуться Жетона, как тот мгновенно обратился в прах.

Лицо Янь Цюсы резко изменилось. Он вскочил с невероятной скоростью, подобной порыву ветра, прежде чем кто-либо успел среагировать. Одной рукой он перехватил запястье Линь Цинбая, другой намертво вцепился ему в горло и, развернувшись, взмыл в воздух.

— Учитель!

— Почтенный!

События развивались слишком стремительно. Внизу слышались панические крики. Линь Цинбай и Янь Цюсы зависли высоко над обрывом. Их лица были совсем близко. От былой слабости и жалости на лице Янь Цюсы не осталось и следа. Он склонил голову и, улыбаясь, произнес:

— Но, Почтенный, дошло до того, что я не собирался щадить себя... и не собирался — щадить — тебя!

<http://bllate.org/book/22078/2295864>